

КРАЙ В ЕПОХУ ДИКТАТУР

Тарас Гончарук,
професор, доктор історичних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова

ГАЗЕТА «ОДЕССКИЙ ЛИСТОК» ПРО ПЕРЕБУВАННЯ В ОДЕСІ М. МУРАВИЙОВА У ЛЮТОМУ - БЕРЕЗНІ 1918 РОКУ

В історичній літературі вже висвітлювалася діяльність в Одесі 1918 р. сумнозвісного радянського головнокомандувача Михайла Муравйова. Зокрема, це питання розглядали в своїх працях В. А. Савченко [1. 129 - 176; 2. 78 - 85] та І. М. Шкляев [3; 4. 12 - 14]. У цій публікації ми торкнемося питання висвітлення діяльності М. Муравйова на шпальтах провідної одеської газети «Одесский листок» (далі - «ОЛ»). Представники радянської влади, і зокрема той самий М. Муравйов, у 1918 р. неодноразово декларували, що «соціалісти-оборонці» та інші ліві, які не підтримували більшовиків, були для них страшніше, ніж відверті прихильники капіталістичного ладу. Можливо тому більшовицька влада в свій перший прихід до Одеси не надто перешкождала діяльності буржуазної ліберальної преси і в тому числі близького до партії кадетів «ОЛ», тоді як деякі ліві видання, як наприклад меншовицький «Южный рабочий» [5], зазнали гонінь. «ОЛ» звичайно не міг критикувати діючу більшовицьку владу, але й позитивних оцінок щодо її дій не висловлював (до речі, на «новий календар» газета перейшла із запізненням - лише 21 лютого 1918 р.), намагаючись наскільки можливо дотримуватися принципів об'єктивності у висвітленні подій.

На прибуття «червоного полковника» М. Муравйова до Одеси «ОЛ» відгукнувся цілою низкою публікацій під загальною назвою «Приезд полк. Муравьева»: «В штабе»,

«В гор. думе», «Освобождение Б. Ю. Фридмана», «В Румчероде», «Митинг в гор. театре». Два з цих дописів вміщено нижче повністю (Додаток 1), ще один – у скороченому варіанті (Додаток 2). Ніби відсторонено висвітлюючи поведінку М. Муравйова в одеській думі (Дивись Додаток 1), «ОЛ» не приховав бруталності його поведінки, вимоги від підприємців міста сплати протягом 3-х діб 10 млн. крб. й особливу увагу приділив арешту товариша (заступника) міського голови Б. Ю. Фридмана. Газета звертала увагу, що заарештованого підтримала уся міська управа, на чолі з міським головою В. М. Богуцьким (члени управи та міський голова вимагали, щоб їх теж ув'язнили разом з Б. Ю. Фридманом) та гласні думи («В думских фракциях линия поведения Б. Ю. Фридмана встречает полную поддержку» – писав «ОЛ»). «Оказывается, – писала газета, – что арестованный Б. Ю. Фридман был отправлен не на «Алмаз», а на вокзал, в вагон полк. Муравьева. Вскоре по прибытии в вагон получилось распоряжение полк. Муравьева освободить арестованного» [6].

«ОЛ» неодноразово вміщував цитати з виступів М. Муравйова з бруталними погрозами в разі відступу зруйнувати Одесу (Дивись Додаток 2.). Зокрема, щодо виступу М. Муравйова в «Румчероде» 19 лютого 1918 р. газета писала: «свою речь оратор заканчивает словами: «Не думайте, что если мы будем побеждены, то мы оставим Одессу, пусть вспомнят, что у меня есть эскадра, я камня на камне не оставлю от Одессы, я превращу ее в пепел вместе с оборонцами и буржуазией. На то я Муравьев. К фабричным гудкам, к организациям революционных армий во имя всемирного социализма!» [7].

Надрукувавши на першій шпальті 21 лютого 1918 р. наказ М. Муравйова червоним військовим частинам (наказ був підписаний комендантом міста, але починався словами: «Главкомандующий армией северного и румынского фронтов т. Муравьев приказал:...» [8]), «ОЛ» у тому ж числі вмістив публікацію про невдоволення солдатів цим наказом та конфлікт, який воно спричинило: «Вчера днем в связи с опубликованием комендантом г. Одессы приказом

полк. Муравьева, – зазначала газета, – возле комендантського управління собралась огромная толпа солдат, которая стала критиковать некоторые пункты приказа». Згодом, як повідомляв ОЛ, цей натовп зайняв приміщення Міського (оперного) театру, де мало відбуватися засідання об'єднаних рад, й надіслав депутацію до М. Муравйова. «Вскоре возвратилась депутация. Один из ее членов с трибуны доложил, что он беседовал с Муравьевым и последний сказал ему, что собрание он не собирался посетить, но если лица эти настаивают, то он приедет в сопровождении сотни казаков, а с моря направит на город дула орудий». По тому депутати зібрання рад змусили невдоволених солдатів залишити приміщення театру. «Спустя десять минут, – писала газета, – прибыло с полсотни вооруженных казаков. Вслед за ними подошли матросы. Все здание Городского театра было окружено со всех сторон. Полк. Муравьев вошел в помещение театра... К Городскому театру подвели пулемет. Перед началом заседания на сцену входит взволнованный полк. Муравьев и обращается к присутствующим в театре со следующими словами: – «Здесь собрались контрреволюционеры – офицеры и солдаты и критиковали мой приказ, вынесли мне смертный приговор. ...Я жестоко расправлюсь с этими элементами!».

Далі газета виклала головні тези промови М. Муравйова перед депутатами засідання рад, в якій він, між іншим, хвалився своїми нещодавніми «заслугами» у Києві: «Революционная месть заставила нас быть беспощадными. Я велел артиллерии бить по самым высоким и богатым дворцам, по церквям, по попам, монахам. Я зажег снарядами огромный дом Грушевского и он в течение трех суток горел, как яркий костер. ...Сотни офицеров и юнкеров были беспощадно убиты! (Аплодисменты)» [9]. На відміну від учасників засідання, читачі «ОЛ» навряд чи були готові аплодувати «подвигам» М. Муравйова.

Переказуючи деякі чутки, «ОЛ» водночас зауважував, що найстрашніші чутки могли у цей час виявитися правдою. «Пусть толки, по обыкновению оказались преувеличенными, – писав дописувач «ОЛ» 21 лютого 1918

р., - но зовнішня картина вулиці досить близько відповідувала зловіщими слухам і остра жуть по мірі приближення к городському театру і зданію думи, все більше нарастає» [10]. Значну увагу присвятив «ОЛ» розгону більшовиками 27 лютого 1918 р. Одеської міської думи. При тому, не маючи можливості критикувати це рішення, газета вмістила низку ґрунтовних статей про досягнення цієї думи - першої демократично обраної міської думи в історії Одеси [11].

Чимало публікацій «ОЛ» присвятив арешту 1 березня 1918 р. одеських «капіталістів» (в тому числі жінок) після невиконання вимоги М. Муравйова виплатити 10 млн. контрибуцію (Дивись Додаток 1.). «ОЛ» утримувався від оцінок та звинувачень, проте зосередив увагу на обставинах затримання («арести почались переважно в центральній частині міста, причем если когось-либ на лице не оказывалось, то задерживали других лиц, преимущественно представителей фирм... Так, когда явились на квартиру местного старейшего владельца магазина часов и золотых вещей г. Б и не застали его дома, то горничную заставили проводить пришедших на квартиру его сына и брата» [12]) й важких умов утримання арештованих у одеській в'язниці («одесских капиталистов разместили по 15 - 20 человек в камере, а злополучных капиталисток - вместе с оставшимися в тюрьме преступницами» [13]).

«ОЛ», звичайно, був змушений вміщувати чимало наказів представників нової влади, а також відозв і т.п. У цей час в газеті переважно мали місце рубрики газети: «Революционная армия», «Воззвания», «Декреты» [14]. Проте й їхній текст міг мати на читачів газети зовсім не позитивний вплив. Серед надрукованих газетою наказів був і наказ М. Муравйова від 24 лютого 1918 р. про запровадження в Одесі стану облоги [15], а відозви були не лише більшовицькі, але й анархістські («Воззвание боевой дружины анархистов» було надруковано 4 березня 1918 р. [16]). 27 лютого 1918 р. «ОЛ» опублікував відозву під назвою «Привет террористов» (анархістів-терористів) наступного змісту: «1-й боевой отряд одесс. отряда террористов прибывший к месту сво-

его назначения и заняв боевые позиции для беспощадной борьбы с румынской олигархией, осмелившейся вместе с дезертиром Щербачевым выступить против российской революции, шлет свой искренний привет всем родным, друзьям и знакомым и умоляет всех товарищей, кому дорога свобода – последовать нашему примеру. От имени всего отряда, начальник отряда Я. Зайдлер» [17]. Того ж дня газета опублікувала інформацію про створення в місті більшовицького загону, який мав бути у розпорядженні М. Муравйова і мав «оптимістичну» назву «Смерть» (Дивись Додаток 3.).

Звичайно, мала вплив на читачів й інформація газети з рубрики «Происшествия», що свідчила про хвилю грабів та вбивств по всьому місту. Публікації тут мали промовисті назви: «Снова трупы...», «Кровавые ночи», «Жертвы случайных выстрелов» і т. п. [18]. Так 3 березня 1918 р. у зазначеній рубриці були публікації під назвами: «Обстрел похоронной процессии», «Встревоженный город», «Реквизиции и выемки», «Война в комиссариатах», «Убийство гимназиста» та ін. [19].

Врешті більшовицька влада зрозуміла шкідливість для себе «ОЛ». Згідно з пізнішим повідомленням редакції газети, 8 березня близько 3 годин ночі «с «Алмаза», куда в ту ночь переселились народные комиссары», готуючись до втечі з міста, представники влади вирішили заборонити друк газет «ОЛ» та «Маленький одесский листок». Відтоді «ОЛ» не виходив, відновивши свою роботу 14 березня 1918 р. після входження до Одеси австро-угорських, німецьких та українських військ [20]. Тоді «ОЛ» вже мав можливість висловити своє справжнє ставлення до більшовицької влади та постаті М. Муравйова.

В публікації від 15 березня 1918 р. під назвою «Печальной памяти. Кто они?» перший та найбільший нарис був присвячений саме йому (інші нариси мали назви: «Арнольд», «Понер» та «Шестопал»). Нарис розпочинався словами: «Имя этого покорителя Берлина исчезло с большевицкого горизонта уже за несколько дней до вступления немцев в Одессу». Проте далі невідомий автор, аналізуючи

постать «полусумасшедшего полковника», зазначав: «Во всех действиях и поступках Муравьева было что-то такое, что заставляло искать в них не только бред больного человека». Слід зазначити, що питання про наявність у М. Муравйова божевілья не спромоглись до кінця розв'язати ні сучасники, ні історики. А дописувач «ОЛ» звертав увагу в діях М. Муравйова на «искусственное натравливание матросов на город» і, навпаки, бачив в його поведінці «стройную, дьявольски ясную систему», що будувалася в тому числі й на постійній та безсоромній брехні. «Муравьев свое сделал. Население и матросы были превращены во врагов, ненавидящих друг друга. Обыватель проклял свободу, революцию и все ее завоевания», – підсумовував дописувач «ОЛ» [21].

В наступному числі газети діяльності «большевистского полководца с черносотенным прошлым Муравьева» [22] було присвячено низку матеріалів під загальною назвою «Печальной памяти герой». Серед них була публікація телеграми М. Муравйова з наказом обстріляти Одесу (Дивись Додаток 4.). Слід зазначити, що інформацію про наказ (або навіть кілька наказів) М. Муравйова при відступі розстріляти Одесу з гармат вже неодноразово подавали в історичній літературі. Так В. Р. Файтельберг-Бланк та В. А. Савченко зазначали: «М. Муравьев отдает приказ своим частям «отступать в направлении Одесса – Вознесенск, при приближении к Одессе врага открыть огонь всеми пушками по буржуазной и национальной части города и разрушить ее...». Приказ об уничтожении Одессы М. Муравьев отдает и кораблям Черноморского флота: «...вступить в бой и открыть огонь по городу и его буржуазным кварталам». К счастью, этот приказ моряки не выполнили. В противном же случае тяжелая морская артиллерия могла разрушить жемчужину Юга Украины с ее дворцами и курортами, театрами и памятниками» [2. 84-85].

«Принагідно відзначаємо, – писали з цього приводу історики В. А. Гриневич та Л. В. Гриневич – що, відступаючи з Одеси М. А. Муравйов наказав обстріляти з гармат центр міста – «район мешкання буржуазії.» Тільки щасливий ви-

падок перешкодив цьому» [23. 26]. Між іншим, «ОЛ» повідомляв про людину, яка, можливо, зашкодила, обстрілу Одеси з крейсера «Алмаз» – це був лейтенант В. В. Коростовцев, який зійшов з корабля напередодні його втечі 14 березня 1918 р. («Нам передают, что если «Алмаз» в памятную ночь прихода немцев не открыл огня по городу, то Одесса этим обязана именно В.В. Коростовцеву, который имел влияние на комиссара флота Кондренко», – зазначала газета) [24].

Під вищезгаданою загальною назвою газета вмістила й замітку «Муравьевщина», яка розпочиналася словами: «Долго одесситы будут вспоминать минувшие деньки Муравьевщины и «власть кораблей», как ее именовали, но то, [что] творил «сам», как называли [его] в семейной беседе железнодорожники, Муравьев – оставило после себя столько омерзительных фактов, что и ныне железнодорожники не могут прийти в себя и с ужасом вспоминают прошедшие деньки» [25]. Там само було вміщено і замітку «Смертний приговор полковнику Муравьеву», в якій зокрема зазначалося: «распространился слух, что «великому завоевателю мира» «товарищу Муравьеву» одной из большевицких организаций вынесен смертний приговор за то же самое, за что он в Киеве устранивал из офицер. и бружуйск. трупов «штабеля дров...» і т. п. «Как много нужно было стонов и крови, чтобы понять эту фигуру, так ясную с первого взгляда!» – підсумовував автор замітки [26] (як відомо, більшовицький суд над М. Муравйовим закінчився його цілковитим виправданням [23. 33-36]).

Водночас, газета вміщувала матеріали, що розповідали про вбивства, здійснені більшовиками під час їхнього нетривалого першого панування в Одесі, зокрема на крейсері «Алмаз». Нарис «Подводные мертвецы» був написаний досить емоційно (Дивись Додаток 5.). На жаль, сподівання автора на поховання в землі загиблих і покарання винних не виправдалися. До нарису було подано інформацію «Извлечение трупов из моря» наступного змісту: «По слухам, передаваемым из достоверного источника немецкое командование предполагает приступить к извлечению трупов, спущенных с «Алмаза». Число их, как передают, зна-

чительно» [27]. Цієї ж проблематики стосувався й допис під назвою «Кого сожгли на «Алмазе»?» (Дивись Додаток 7.) про вбивство особи, яку більшовики переплутали з сином українського військового комісара В. Р. Поплавко [28. 132-149].

На повстання М. Муравйова проти більшовиків та його смерть у липні 1918 р. «ОЛ» відреагував лише невеликими замітками (вочевидь, у цей час газету та її читачів цікавили вже інші теми). Притому в своїх публікаціях газета повідомляла про самогубство М. Муравйова (як зазначалося: «...получив сообщение о восстании эсеров, Муравьев захватил советские деньги и бежал в Симбирск, оттуда отдал войскам... перейти в наступление ...на Москву. Солдаты отказались подчиниться этому приказу. ...Муравьев отправился в симбирский совет и стал склонять его на свою сторону. Но поддержки не встретил. Видя полное крушение своих планов, Муравьев произвел сначала выстрелы в членов совета, причем ранил нескольких, затем застрелился сам» [29]). Така версія його загибелі, як зазначає В. А. Савченко, могла бути взята з центральних радянських газет [1.175].

Отже, можемо констатувати, що «ОЛ», як представник прогресивної, ліберальної преси, за часів першого приходу більшовицької влади до Одеси гідно виконував свій обов'язок – максимально об'єктивно висвітлював події навіть за найгірших для свободи слова часів, виявляючи при тому чималу сміливість. Висловити своє справжнє ставлення до більшовицької влади та її яскраво представника (хоча й лівого есера за партійною приналежністю) М. Муравйова газета змогла пізніше. На сьогодні публікації «ОЛ» є цінним джерелом як для вивчення бурхливих подій січня – березня 1918 р. в Одесі, так і для дослідження погляду на ці події ліберальної частини одеської громадськості.

М. Муравйов

Додаток 1. Уривок з публікації ОЛ «Приезд полк. Муравьева» (Приезд полк. Муравьева // «ОЛ». - 1918. - 7 февраля).

«В Штабе

Прибывший в Одессу главнокомандующий полк. Муравьев вчера, утром, в штабе округа принимал комиссаров всех отделений штаба фронта и округа и начальников окружных управлений. Полк. Муравьев обратился к собравшимся с речью, в которой начертал план своей будущей деятельности по борьбе с вторгнувшимся в пределы России врагом - румынами. Все должны быть поставлены на ноги, все должны быть привлечены к этой борьбе. Если нужно будет, то все население будет привлечено к участию в выполнении технических работ для защиты города.

Одной из необходимых гарантий победы полк. Муравьев считает хорошее состояние армии. Солдаты революционной армии будут хорошо одеты, обуты и сыты.

В город. думе

Еще задолго до назначенного срока зал городской думы стал наполняться специально приглашенными на это заседание представителями крупных цензовых элементов. Присутствовали представители всех банков, о-ва фабрикантов и заводчиков, общества «Проюг», кредитных о-в, о-ва домовладельцев и др. За колоннами и креслами гласных много посторонней публики.

Внезапно в зале начинается движение. Некоторые встают. Слышатся аплодисменты. В зал думы входит в сопровождении нескольких лиц, одетых в штатском, молодой офицер в походной форме. Это - главнокомандующий северной советской армией полковник Муравьев. Легкий поклон присутствующим, публике и ложе журналистов.

Воцаряется молчание.

- Я хочу видеть представителей города управы.
- Где городской голова? Где члены управы? Должен же кто-нибудь представить мне присутствующих.

Молчание.

- Привести мне сейчас же членов управы в кандалах!

Один из присутствующих встает и заявляет:

- Сюда, пришли представители кредитных учреждений, банков, фабрикантов, заводчиков, домовладельцев и прочих организаций, перечисленных в газетном объявлении.

- Очень рад, что вы сюда собрались. Я пригласил вас с целью призвать к борьбе с врагом, позволившим себе вмешаться в наши внутренние дела. Где две собаки дерутся, третья не должна приставать. Третья собака вмешалась в лице румынской олигархии, вдохновляемой румынскими боярами, русскими офицерами-изменниками в роде генерала Щербакова и буржуазной радой, которую я уничтожил. Враг идет в Новороссию расстрелять революционных солдат и рабочих.

Вы представители капиталистического строя повинны в беспощадной борьбе. Вы должны были в свое время сказать свое веское слово. Но вы вместо этого помогали гайдамакам и состояли в тайной связи с Калединым. У меня имеются доказательства, у меня имеются документы, указывающие о переводе некоторыми из вас денег Каледину.

Я призываю вас бороться против врага. В истории не было еще случая такого наглого вмешательства во внутренние дела чужого государства. Положение серьезное. Враг стучится в ворота Одессы. Но вы не радуйтесь. Я Одессы не отдам. От ваших палат и дворцов не останется и пепла. Вы должны дать мне через три дня 10 миллионов. Иначе я вас в воду брошу, а ваши семейства будут оставлены на произвол разъяренной стихии. Ссориться опасно. Я не хочу первым начинать. За это я гарантирую вам обывательское спокойствие. Я уничтожу все гнезда погромщиков, как уничтожил их в Киеве. Но вы потрудитесь внести деньги. Иначе я заставлю вас рыть окопы и строить проволочные заграждения. Я не один. За мной идут отряды со всей России. Вы сделаете красивый жест, если дадите сами деньги для организации обороны. Высказывайтесь смело и откровенно. Я сам человек прямой. Это не контрибуция. Это лепта, скромная лепта в пользу организации самообороны. Дайте их. Мы все организуем. За мной идет и уголь и хлеб. Я кончил.

В это время появляется тов. гор. головы Б.Ю. Фридман.

Он подходит к кафедре и обменивается поклоном с полковником Муравьевым. Происходит следующий диалог:

- Вы знаете, что здесь собрались представители имущих классов. Я здесь новый человек. Долг этики должен был вам подсказать, что надо было вам представить мне присутствующих. Ставлю это вам на вид и прошу передать об этом вашей управской коллегии. Очевидно, еще силен у вас дух Пеликановщины.

- В ком силен еще дух Пеликановщины, - отвечает Б.Ю. Фридман, является вопросом. Что же касается этики, то я думаю, что она требует, прежде чем занимать какое-нибудь помещение, предварительно спросить об этом хозяина.

- Взять, взять его сейчас и отправить на «Алмаз».

Приказание тотчас же приводится в исполнение.

Слово берет прис. поверен. И.Г. Тиктин.

- Я председатель наблюдательного комитета городского Кредитного общества, а кроме того, возглавляю сословие присяжных поверенных. Наше сословие всегда стояло на страже справедливости и говорило слова правды в течение 50 лет. Моя фамилия - Тиктин.

Полковник Муравьев сходит с кафедры и обменивается рукопожатием с Тиктиным.

- Мы должны быть очень благодарны за слова, сказанные товарищем Муравьевым. Мы очень рады, что наконец, создалась сильная власть, ибо до сих пор было безвластие. Мы должны внимательно выслушать представителя власти. Но как всегда, так и теперь мы должны бить челом власти. Позвольте мне, как старожилу Одессы и как бывшему гласному городской думы во времена ее расцвета, сказать вам правду и осветить объективно положение вещей. Ибо я не капиталист, а только присяжный поверенный. Я говорю, что новая власть должна помочь нам открыть те шлюзы, которые задерживают приток денег. Положение тяжелое. В банках денег нет. Все прекратили платежи. И если есть что-нибудь в банках, то только процентные бумаги. Частных банкиров в Одессе тоже мало. Всего два-три человека. Фабриканты и заводчики содержат безработных и терпят большие убытки. Нужно открыть шлюзы и дать

возможность свободному притоку денег. Мы сознаем необходимость прийти на помощь власти, но очень просим представителя власти создать комиссию из сведущих лиц для изыскания способов возможно скорейшего удовлетворения требований власти. Мы все любим Одессу и хотели бы помочь ее защите от врага. Но, к сожалению, печальная действительность не позволяет нам спокойно заниматься творческой работой. Мы запуганы, мы терроризированы грабителями и ворами. Нас разоружили, а у грабителей есть оружие. С наступлением вечера замирает жизнь, а домовая охрана прячется в домах и трепетно ожидает налета очередного грузовика. Как же можно заниматься при таких условиях и думать о каких-либо финансовых комбинациях. Мы просим, мы умоляем оказать нам помощь и внести успокоение в городе.

Затем выразил желание говорить И. С. Ксидиас.

- Я глава банкирской конторы и в то же время состою редактором-издателем «Южной Мысли». Моя фамилия - Ксидиас.

- Я считаю себя таким же другом народа, как товарищ Муравьев. Во времена царского, я не задумываясь пожертвовал всем своим капиталом для создания газеты, борющейся с царским произволом. Я дважды был лично приговорен к тюремному заключению. Моя газета на выборах в Гос. Думу поддержала кандидатуру рабочих. Все это я сказал для того, чтобы доказать, что я тоже имею право называть себя другом народа. Я хотел бы обратить внимание товарища Муравьева на причину отсутствия наличных денег. Ведь денежный голод имеет свои хронические причины. До большевистского переворота во всей России было около 16 миллиардов денежных знаков. Значительная часть, конечно, пошла в деревню. В городах осталось сравнительно немного. В частности в Одессе к 1 ноября 50-60 миллионов рублей. Деньги постепенно растаяли. Часть неизбежно попала к крестьянам, которым уплачивали за продукты. При ежедневном расходе денежных знаков в 1 ½ - 2 миллиона рублей и при отсутствии внешнего притока, естественно, сказалась нехватка денег. Теперь в банках ничего нет. Да

и вообще вся деятельность банков находится под действительным контролем комиссаров. Банкиры все время находились с ними в постоянном контакте. Наличных денег нет. И никакие жестокости, никакие угрозы, никакой террор не в состоянии будут выкачать эти деньги от народа.

– Больше нет желающих высказаться? – спрашивает полковник Муравьев.

Молчание.

– Я не считаю, – говорит полковник Муравьев, – представителей свободной профессии, в частности присяжных поверенных, капиталистами. Они только обслуживают капитал. Банкиры, промышленники, торговцы, крупные землевладельцы и домовладельцы – словом, все то, что имеет в своих руках денежную силу – все причисляется к капиталистам. Я думаю, что об этом знают те, кто знаком с трудами Маркса.

Я думаю, что в Одессе еще найдется 10 миллионов. Мне то же самое говорили в Полтаве, Харькове, Киеве. Везде говорили, что денег нет, а потом они находились. И здесь, наверное, найдутся. Чеками, бумагами, облигациями – но вы должны дать. Каким образом? Это дело финансовой техники. Знаете, что вы даете деньги на создание революционной армии. Разменные деньги будут – не беспокойтесь. Наша точка зрения, борцов с капитализмом, ясная. Я многих из вас знаю. К сожалению, вы меня не знаете. Я не позволю пролетарской Одессе голодать, профессиональным союзам прозябать, флоту голодать от безденежья. Я требую от вас только незначительной лепты. Даю вам срок три дня. Не с сегодняшнего дня, а с завтрашнего. С 20 по 23 февраля. 24 февраля в 12 час. дня деньги должны быть внесены в Гос. банк на мое имя. Вот все, что я могу вам сказать. Если вы хоть немного дорожите своим спокойствием, то деньги должны быть найдены. Революционные войска не допустят насилия. А те, кто творит насилие под флагом революции, будут уничтожены. Вы должны дать деньги, я – спокойствие. Рука руку моет. 10 миллионов, не меньше. Я даже не допускаю мысли, что вы этого не сделаете.

– Осмелюсь вам доложить, – говорит И.Г. Тиктин, – что на буржуазию тут уже была наложена контрибуция в раз-

мере 10 миллионов рублей. 1 ½ миллиона мы внесли наличными, а 2 ½ миллиона бумагами в Госуд. Банк. Как же теперь быть?

- Эти деньги будут вам засчитаны, - отвечает полковник Муравьев. - Такой случай у меня уже был.

В то время, когда полковник Муравьев уже собирался уходить, внезапно раздался из публики взволнованный голос:

- Я прошу вас за товарища городского головы... («просим, просим» поддерживает публика).

- Я согласен, - отвечает полковник Муравьев (шумные аплодисменты).

- Но он позволили себе дерзостное неуважение по отношению к представителю советской власти. Я человек культурный и достаточно интеллигентный, даже с точки зрения буржуазной. Это дерзкое выступление могло стоить ему головы. Революция беспощадна к своим врагам, все равно, кто бы они ни были. Даже если это социалист-оборонец, которых я считаю большими врагами, чем вас. Идя навстречу вашей просьбе, я соглашаюсь его освободить, но с городской управой мы еще поговорим».

Додаток 2. Уривок з публікації ОЛ «Митинг в гор. театре» (Митинг в гор. театре // «ОЛ». - 1918. - 7 февраля).

«Речь полк. Муравьева»

- От всей души, - говорит полк. Муравьев, - приветствую всех присутствующих солдат и рабочих. 14 месяцев я некогда прошел здесь в качестве командира роты школы прапорщиков.

Далее полковник поведал: Режим буржуазии, режим Керенского, пал под моим ударом, я стал с тех пор безостановочно бороться против буржуазных выступлений и вспышек в разных формах и под разными масками. Члены рады бежали в австрийскую Польшу, где организуют удар русской революции.

- Теперь нам нужно еще дать отпор нашему ближайшему врагу - румынской буржуазии, которая дерзко выступила против русского пролетариата. Призываю всех, как одного, под красные знамена и идти вместе с нами на

борьбу с капитализмом. Большинство офицеров, которые сами страдали от старого режима, не перешли на сторону пролетариата. Призываю этих офицеров, пока не поздно примкнуть к защитникам свободы и революции, и тогда рабочие им простят их 6-месячное молчание и выступление против революции. Всем надо объединиться и идти против румынской олигархии.

Полк. Муравьев подчеркивает мировое значение русской революции, подобно Христу, появившейся с Востока.

- На нас сморит весь мир. Мы - Мессия, мы - Христос, от которого ждет спасения всемирный пролетариат. Мы должны гордиться той долей спасения мира от гнета капитализма, которая выпала на нас русских и все те национальности, населяющие Россию.

Переходя к положению Одессы, полк. Муравьев говорит:

- Я Одессы ни за что не отдам. Я не оставлю камня на камне в этом прекрасном городе. В пепелище я превращу это прекрасное здание театра, если только придется уступить все румынам. А потому, чтобы этого не было, призываю всех, даже буржуазию, не допустить румынских офицеров издеваться над русской революционной армией, я потребовал уже у одесской буржуазии 10 мил. руб. для нужд армии. Я боюсь не за свою власть, а за власть рабочих и крестьян.

- Да здравствует всеобщий бунт, всеобщий мятеж, ведущий к третьему интернационалу, к его победе и счастью».

Додаток 3. Публікація ОЛ «Революционный отряд «Смерть» (Революционный отряд «Смерть» // «ОЛ». - 1918. - 27 февраля).

«Товарищи! У нас организуется одесс. революционный отряд «Смерть» соц.-дем. (большевиков), кому дорога кровью добытая революция и желательно укрепить ее, тот должен встать на защиту революции от посягательства румын. Отряд «Смерть» состоит в распоряжении главнокомандующего тов. Муравьева.

Призывает товарищей, сочувствующих нашим идеям, явиться в штаб революционного отряда «Смерть» по Преображенской ул., 40, гостиница «Одесса».

Все материальное и военное снаряжение будет выдано в штабе отряда, а также и содержание семьям записавшихся возлагается на начальника штаба Езерского и его помощников Исакова и Бененсона.

Запись производится ежедневно от 10 часов утра до 4 часов дня.

Начальник штаба революционного отряда «Смерть» Езарский (Степан).

Помощники: Исаков (Владимир) и Бененсон (Михаил).

Первый отряд «Смерть» уже сформирован и отправляется в среду, 27-14 февраля сего года.

При боевом отряде «Смерть» также спешно формируются санитарные отряды, в состав коих приглашается весь врачебный и хозяйственный персонал».

Додаток 4. Публікація ОЛ «Приказ во-время» (Приказ во-время // «ОЛ» - 1918. - 16 марта).

«Вчера одесская радиостанция приняла следующий «приказ» Муравьева:

«Одесса, комиссару Кондренко и всем судовым командам.

Еще раз подтверждаю и приказываю привести в исполнение мой приказ об уничтожении Одессы, как предательского гнезда, изменившего советской власти.

Муравьев».

Телеграмма не была вручена за нерозысканием адресатов».

Додаток 5. Публікація ОЛ «Подводные мертвецы» («И.Г. Подводные мертвецы // ОЛ. - 1918. - 15 марта».

«Страшную быль, похожую на легенду, знает вся Одесса о подводных мертвецах, нашедших свое кладбище вокруг стальных бортов и дном кораблей «Синопа» и «Алмаза». Эта легенда, от которой кровь стынет в жилах, переходит из уст в уста и известна всем в такой форме и изложении, как будто она вычитана из одной книжки. Еще вчера об этом кошмаре можно было только говорить и то с опаской, а сегодня об этом можно уже писать; можно посвятить ее тем, которые на днях с заходом солнца, скрылись за голубым го-

ризонтом окрашенного кровью гаснувших лучей, – моря. Им вдогонку – призраки замученных, расстрелянных, брошенных в воду с колосниками на ногах и шеях жертв...

Пересказ этой истории был таков. Родные одного из расстрелянных матросами, тело которого было брошено в воду, упростили водолаза извлечь труп для предания земле. Со скафандром на голове, водолаз был опущен на дно брекватера. Но уже через несколько минут водолаз, выдавший на своем веку много ужасов, – стал лихорадочно и тревожно дергать сигнальную веревку. Когда его подняли и сбросили скафандру – водолаз был бледен, как смерть, и проявлял признаки безумия. Дико водя глазами, он объяснил окружающим, что под водой ходят разбухшие, страшные мертвецы... Они, когда он стал на дно, – точно живые шархнулись от него, а затем начали кольцом наступать... Эта картина так подействовала на испытанного с веревочными нервами водолаза, что у него не хватило сил оставаться среди движущихся мертвецов и [он] бежал.

В таком виде легенда сделалась достоянием всего населения... Ничего невероятного в рассказе нет. Убивая свои жертвы, – разбойники от революции муравьевского полка, бросали тела загубленных в воду с брекватера и кораблей, привязывая к их ногам балласт, чтобы не всплыли. И трупы опускаясь, становились на ноги. От движения воды мертвецы сами приходили в движение. Разбухшие, словно туши, с изуродованными и обезображенными лицами, разбитыми черепами, с выеденными глазами, – вид их мог лишить рассудка даже водолаза...

Сколько их между бортами пиратских кораблей? Об этом знают, но не сказали никому, – ушедшие с окровавленными руками, совестью и честью – матросы. Но и все мы скоро посчитаем их, извлечем и похороним с достоинством.

Я был под вечер на бульваре, когда корабли, отпущенные сухопутным немецким командованием, медленно стали уходить. И я слышал пожелания; их было много, но одно глубоко врезалось в мозг:

Пусть мертвецы под водой цепляются холодными руками за борты, за винты и пусть они потянут своих гнусных убийц к себе, на дно... под воду...

Преступные убийства ряда лиц, трупы которых были затем брошены в море, должны послужить предметом судебного расследования в срочном порядке с преданием суду преступников, где бы они ни находились.

И.Г.»

Додаток 6. Публікація ОЛ «Кого сожгли на «Алмазе»?»
(Кого сожгли на «Алмазе»? // «ОЛ». – 1918. – 16 марта).

«После захвата власти большевиками в Одессе пошла молва о том, что в «Петроградской» гост. был арестован сын полк. Поплавка, доставлен на «Алмаз» и брошен в топку.

Вчера мы обратились к одному из украинских деятелей морской рады, все время нелегально проживавшему в Одессе, с вопросом, действительно ли имел место на «Алмазе» такой ужасный случай. Нам было сообщено следующее:

– Действительно, разъяренные матросы искали сына Поплавко. Но вместо него задержали, прибили и, как утверждают, сожгли областного комиссара по гражданской части Иваницкого. Схвачен он был в помещении «Петроградской» гост., причем арестовавшие его, несмотря на предъявленные документы утверждали, что это – сын Поплавко.

Сперва его бросили в угольные ямы «Алмаза», в которых он пробыл три или четыре дня. Затем известно, что один из членов судового комитета Суковский, узнав, что арестованный – «сын Поплавко» – еще жив, пришел в негодование и кричал:

– Чего смотрите! Кончайте...

С Иваницким «кончили». Матросы «Алмаза» доподлинно сообщили, что несчастного толкнули в кочегарку, измазали смолой и бросили в пылающую топку. Покойному было 35 лет».

Література:

1. Савченко В.А. Авантюристы гражданской войны. – Харьков: Фолио, 2010. – 411 с.
2. Файтельберг-Бланк В.Р, Савченко В.А. Одесса в эпоху войн и революций (1914–1920). – Одесса: «Optimum», 2008. – 336 с.
3. Шкляев И.Н., Шкляева С.М., М.А. Муравьев в Одесе // Тезисы II обл. историко-краеведческой научно-практической конференции, посвященной 200-летию основания Одессы и 25-летию создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры. – Одесса, 1991. – С. 229 – 231.

4. Шкляев И.Н. Одесса в смутное время. – Одесса: Студия «Негоциант», 2004. – 160 с.
5. Дело «Южного рабочего» в революционном трибунале // Одесский листок (далі ОЛ). – Одесса. – 1918. – 3 марта.
6. Освобождение Б. Ю. Фридмана // ОЛ. 1918. – 7 февраля.
7. В Румчероде // ОЛ. – 1918. – 7 февраля.
8. Приказ коменданта гр. Одессы 19 – 6 февраля 1918 года // ОЛ. – 1918. – 21 февраля.
9. Заседание объедин. советов. В гор. театре // ОЛ. – 1918. – 21 февраля.
10. Одесская дума. Экстренное заседание 7-го февраля // ОЛ. – 1918. – 21 февраля.
11. Роспуск гор. думы // ОЛ. – 1918. – 28 февраля; К роспуску городской думы. Свершилось // ОЛ. – 1918. – 1 марта; К. Первая дума (Итоги) // ОЛ. – 1918. – 1 марта, 5 марта; Муниципал. Роспуск думы // ОЛ. – 1918. – 2 марта.
12. Арест капиталистов // ОЛ. – 1918. – 3 марта.
13. Г.Ю. Вокруг ареста капиталистов (в тюрьме) // ОЛ. – 1918. – 5 марта.
14. ОЛ. – 1918. – 27 февраля.
15. Осадное положение Одессы // ОЛ. – 1918. – 26 февраля.
16. Воззвание боевой дружины анархистов // ОЛ. – 1918. – 4 марта.
17. Привет террористов // ОЛ. – 1918. – 27 февраля.
18. Снова трупы... // ОЛ. – 1918. – 27 февраля; Кровавые ночи // ОЛ. – 1918. – 2 марта; Жертвы случайных выстрелов // ОЛ. – 1918. – 4 марта.
19. ОЛ. – 1918. – 3 марта.
20. От редакции // ОЛ. – 1918. – 14 марта.
21. Печальной памяти. Кто они? Муравьев // ОЛ. – 1918. – 15 марта.
22. Фл. Смертная казнь... по-большевицки // ОЛ. – 1918. – 16 марта.
23. Гриневич В.А., Гриневич Л.В. Слідча справа М.А. Муравйова: Документована історія, – К.: Інститут історії НАН України, 2001. – 336 с.
24. К уходу флота. лейт. Коростовцев // – 1918. – 15 марта.
25. Муравьевщина // ОЛ. – 1918. – 16 марта.
26. Смертный приговор полковнику Муравьеву // ОЛ. – 1918. – 16 марта.
27. Извлечение трупов из моря // ОЛ. – 1918. – 15 марта.
28. Вінцовський Т.С. Віктор Поплавко в горнілі революції: між своїми і чужими // Чорноморська хвиля української революції: провідники національного руху в Одесі у 1917 – 1920 рр.: Монографія. – Одеса: ТЕС, 2011. – С. 132 – 149.
29. К самоубийству Муравьева. Харьков (От нашего корреспондента) // ОЛ. – 1918. – 17 июля.